

Призраки в детской: психоаналитический подход к проблемам нарушенных взаимоотношений мать-дитя

Сельма Фрайберг, Эдна Аделсон, Вивиан Шапиро

Selma Fraiberg, Whith Edna Adelson and Vivian Shapiro "Ghosts in the Nursery: A Psychoanalytic Approach to the Problems of Impaired Infant-Mother Relationships", *Clinical Studies in Infant Mental Health*, 1980

В каждой детской есть призраки. Эти незванные гости на крестинах приходят из позабытого прошлого родителей. При благоприятных обстоятельствах эти недружелюбные и незванные духи изгоняются из детской и возвращаются в свой подземный мир. Ребенок императивно провозглашает свое требование родительской любви, и в точной аналогии со сказочным сюжетом узы любви охраняют ребенка и родителей от вторжения злоб-ных призраков.

Это не означает, что призраки не могут придумать способ покинуть свои могилы. Даже в тех семьях, где узы любви сильны и стабильны, пришельцы из родительского прошлого могут внезапно прорваться сквозь этот магический круг, и родитель с ребенком обнаружат, что они отыгрывают момент или сцену из другого времени с другим набором действующих лиц. Такие сцены в семейном театре не часты, и ни ребенок, ни родители, ни их связь не подвергаются серьезной опасности при таком кратком вторжении. Обычно для родителей в таких ситуациях не является необходимостью обращаться к клиницистам.

В других семьях пришельцы из прошлого могут приносить гораздо больше хлопот. Выясняется, что некоторые из призраков временно поселились в детской, избрав для этого определенные основания. Их безобра-зия вписываются в исторический или топический контекст; они

специализируются в таких областях, как кормление, сон, приучение к туалету, дисциплина, зависимость и уязвимость, пришедшие из родительского прошлого. При определенных обстоятельствах, даже если связь родителей и детей сильна, родители могут чувствовать беспомощность перед вторжением и искать профессиональной помощи. В нашей работе мы обнаруживаем, что эти родители формируют с нами сильный альянс, чтобы изгнать пришельцев из детской. Не так уж сложно найти образовательные или терапевтические средства, чтобы изгнать временных захватчиков.

Но как можем мы объяснить ситуацию в другой группе семей, которая одержима призраками? Пришельцы из прошлого обосновались в детской, заявляя о своих правах и устанавливая законы. Они присутствовали на крестинах уже двух или более поколений. Их никто не приглашал, но призраки прочно заняли свои позиции и заставляют семейную трагедию повторяться по старому сценарию.

В Программе Ментального Здоровья Детей мы видели много таких семей и их младенцев. Когда мы встречали такого ребенка, он уже был в опасности и проявлял знаки эмоциональной депривации и серьезные симптомы или признаки нарушения развития. В каждом из таких случаев ребенок становился безмолвным участником семейной трагедии. В таких семьях ребенок нагружен ношей угнетающего прошлого родителей с того момента, как он приходит в этот мир. Родитель осужден повторять трагедию своего детства заново с собственным ребенком во всех ее ужасающих деталях.

Эти родители могут и не обратиться к нам за профессиональной помощью. Призраки, установившие свои привилегии на жительство уже три или более поколений назад, могут не идентифицироваться как представители родительского прошлого. Со стороны родителей может отсутствовать готовность формировать альянс с нами, чтобы защитить

ребенка. В этом случае скорее мы, а не призраки покажемся им захватчиками.

Те из нас, у кого есть профессиональный интерес к призракам в детской, не понимают до конца сложностей и парадоксов истории призраков. Что является определяющим фактором в вопросе, будет ли конфликтное прошлое родителя повторяться с его ребенком? Является ли детерминирующим фактором патология в истории родителя? Это было бы слишком просто. Конечно, все мы знаем семьи, в которых трагедия, жестокость и боль родительской истории не влияли на воспитание ребенка. Призраки не заполняли детскую и не разрушали любовные связи.

Далее следует сказать, что если бы история повторялась в точности, человеческая семья уже давно утонула бы в своем угнетающем прошлом. Раса совершенствуется. И возможно потому, что большое количество мужчин и женщин, знавших страдания, находят в опыте воспитания собственного ребенка обновление и исцеление боли своего детства. Более простыми словами - как мы часто слышим от родителей - "Я хочу, чтобы моему ребенку было лучше, чем было мне". И родитель дает ребенку что-то лучшее. Все мы знаем молодых родителей, которые пережили нищету, жестокость, смерть, предательство и всю гамму детских страхов, но эта боль не влияет на их собственных детей. История не является неизбежной судьбой, и будет ли родительство переполнено печалей и травм, или же оно станет временем обновления, нельзя предсказать из рассказа о прошлом родителя. Должны быть другие факторы в психологическом опыте этого прошлого, предопределяющие повторение его в настоящем.

В терапевтической работе с семьями в интересах их детей все мы являемся наследниками открытий, сделанных в начале этого столетия Фрейдом. Призраки, как нам известно, представляют собой повторение прошлого в настоящем. Мы пользуемся также тем методом, который

Фрейд развил для раскрытия событий прошлого и ликвидации патологического влияния прошлого на настоящее. Сами младенцы, страдающие от болезней родительского прошлого, менее всего выигрывают от великих открытий психоанализа и психологии развития. Этот пациент, не способный говорить, ожидает представителя и выразителя своих интересов.

За последние три десятилетия о младенцах говорили ряд психоаналитиков и психологов развития. То, что говорят нам младенцы, является отрезвляющими новостями. Вы уже знаете эту историю, и я не буду пытаться обобщать всю литературу, появившуюся по исследованиям младенчества.

В нашей собственной работе по Проекту Детского Развития нам стало известно о существовании этих призраков в детской. Как мы описывали, краткие вторжения посетителей или нежеланные гости, обосновавшиеся в детской временно, не представляют для клинициста особых проблем. И сами родители становятся нашими союзниками в изгнании призраков. Самую серьезную терапевтическую проблему для нас представляет третья группа, где призраки, вторгшись в детскую, обосновались там надолго.

Как же произошло, что призраки родительского прошлого вторглись в детскую, с такой настойчивостью провозглашая свои права превыше прав ребенка? Этот вопрос является центральным в нашей работе. Ответ для нас необходим, и в заключительной части этого эссе мы вернемся к вопросу и предложим свою гипотезу, вытекающую из клинического опыта.

В этой статье мы опишем наше клиническое исследование и лечение двух из многих младенцев с серьезными проблемами, с которыми мы сталкивались. По мере того, как наблюдался прогресс в работе, наши семьи и их младенцы открывали для нас двери, освещая прошлое и настоящее. Наше психоаналитическое знание помогало

найти тропинки к пониманию повторения прошлого в настоящем. Методы лечения, которые мы выработали, сводили воедино психоанализ, психологию развития и социальную работу, как это будет проиллюстрировано ниже. Это принесло позитивные результаты детям, их семьям и нам самим.

В нашей совместной работе Эдна Аделсон, штатный психолог, была терапевтом Мэри и ее семьи; Вивиан Шапиро, социальный работник, была терапевтом Грэга и его семьи; и Сельма Фрайберг была супервизором и психоаналитическим консультантом.

Мэри

Мэри, которой было 5,5 месяцев, была первым ребенком, направленным к нам по нашей новой Программе Ментального Здоровья Младенцев. Ее мать, миссис Мач, за несколько недель до того появилась в агентстве по усыновлению. Она хотела оставить там своего ребенка. Но это было невозможно, поскольку мистер Мач не давал согласия. Мать Мэри была описана как "отвергающая мать".

Конечно, никто сейчас в нашем обществе, как и в любом другом, не любит отвергающих матерей, и Мэри и ее семья могли здесь раствориться в анонимности городского общества, возможно, чтобы однажды появиться вновь, когда разыграется трагедия. Но случай привел семью в одну из психиатрических клиник нашего университета. Психиатрическое обследование миссис Мач обнаружило серьезную депрессию, попытку суицида путем приема аспирина; эта женщина была так измучена, что она едва могла справляться с задачами повседневной жизни. "Отвергающая мать" стала рассматриваться как мать депрессивная. Было рекомендовано психиатрическое лечение командой клиники. И затем один из членов команды спросил: "Но что с ребенком?" Открытие нашей новой Программы Ментального Здоровья Младенцев было объявлено на следующий день. Мы получили телефонный звонок

и согласились провести немедленное обследование ребенка и рассмотреть возможность лечения.

Первые наблюдения

С того момента, как мы впервые увидели Мэри, у нас были основания для серьезного беспокойства. В свои 5,5 месяцев она имела все признаки ребенка, который провел большую часть жизни в колыбели, получая лишь самую необходимую заботу. За ней адекватно ухаживали физически, но затылок ее был лысым. Она проявляла мало интереса к окружающему, была слишком спокойной и равнодушной. Ее связь с матерью казалась слишком непрочной. Улыбалась она редко. Она не устанавливала спонтанный контакт с матерью взглядом или жестами. Было лишь несколько спонтанных звуков. В моменты дискомфорта и тревожности она не поворачивалась к матери. В тесте развития по шкале Бейли она не соответствовала практически всем личностно-социальным пунктам. Один из пунктов проверки - неожиданный звук (тестовый звонок Бейли) - превысил ее порог толерантности, и она впала в состояние ужаса.

Мать сама выглядела запертой в каком-то собственном страхе, далекой и отстраненной, и лишь изредка мы видели в ней намеки на способность заботиться о ребенке. За несколько недель мы уловили лишь одну деталь, зафиксированную на видеокассете: девочка сделала неловкий жест в направлении матери, и рука матери спонтанно протянулась к ребенку. Их руки так и не встретились, но для терапевтов жест символизировал желание достичь контакта друг с другом, и мы уцепились за эту символическую надежду.

В начале каждого лечения есть момент, который приоткрывает самую суть конфликта. Такой момент появился на второй сессии, когда миссис Аделсон пригласила Мэри и ее мать в наш офис. Случайно этот момент остался на видеокассете, поскольку мы, как обычно,

записывали тест на развитие. Присутствовали Мэри, ее мать, миссис Аделсон и миссис Эвелин Этрей, проводившая тест.

Мэри начинает плакать. Испуганный надрывающийся плач ребенка. Миссис Этрей прекратила тест. На видеопленке мы наблюдаем безнадежно кричащего ребенка в руках матери; она не поворачивается к матери за успокоением. Мать выглядит отстраненной, ушедшей в себя. Она делает отсутствующий жест успокоения ребенка, затем оставляет это занятие. Она смотрит в сторону. Крик продолжается на пленке в течение ужасающих пяти минут. На заднем плане мы слышим голос миссис Аделсон, мягко вдохновляющей мать: "Что вы делаете, чтобы успокоить Мэри, когда она так плачет?" Миссис Мач бормочет что-то еле слышно. Миссис Аделсон и миссис Этрей пытаются сдержать собственные чувства. Им хочется взять девочку, обнять ее и успокоить, нашептывая ей что-нибудь ласковое. Если бы они поддались своему желанию, они сделали бы то, чего делать совершенно не следовало. Если бы миссис Мач увидела, что другая женщина может успокоить ее ребенка, она еще больше уверилась бы в своем убеждении, что является плохой матерью. Это были ужасные 5 минут для ребенка, матери и двух психологов. Миссис Аделсон сохраняла спокойствие, разговаривая с миссис Мач с симпатией. Наконец визит закончился, когда миссис Аделсон предположила, что малышка устала и, возможно, дома в колыбельке ей станет лучше, и матери и ребенку помогли закончить визит, договорившись вскоре провести третью сессию.

Когда позже мы смотрели видеозапись на совещании команды, мы сказали друг другу с недоумением: "Похоже, эта женщина не слышит, как плачет ее ребенок!" Так у нас возник ключевой диагностический вопрос: "Почему эта мать не слышит, как ее ребенок плачет?"

История матери

Миссис Мач сама была брошенным ребенком. Ее мать страдала от послеродового психоза вскоре после рождения миссис Мач и ее брата

близнеца. Она пыталась покончить с собой, прострелила себе лицо и осталась на всю жизнь ужасно изуродованной. Она провела почти весь остаток жизни в госпитале, и дети едва знали ее. До пяти лет миссис Мач жила у тети. Когда тетя не смогла больше заботиться о ней, она переехала в дом бабушки со стороны матери, где усталая, обедневшая, старая женщина с неохотой о ней заботилась. Отец миссис Мач в семейной картине отсутствовал. Мы долгое время не слышали о нем почти ничего.

Это история суровой сельской нищеты, зловещих семейных секретов, психологического преступления, традиции промискуитета у женщин, грязи и беспорядка в доме, полиции и защитных агентств на заднем плане, которые лишь разводят руками. Миссис Мач была выброшенным ребенком в выброшенной семье.

В конце подросткового периода миссис Мач встретила своего будущего мужа, который вышел из семейной нищеты и беспорядка, как и она. Но он хотел для себя чего-то лучшего, чем то, что давала ему родительская семья. Он стал первым членом своей семьи, который сражался за выход из замкнутого круга безнадежности, нашел стабильную работу, завел себе дом. Когда эти два одиноких и заброшенных молодых человека нашли друг друга, у них было обоюдное соглашение, что они хотят лучшего, чем то, что им известно. Но сейчас, после нескольких лет усилий, спираль закрутилась вниз.

Была высока вероятность того, что Мэри не является дочерью своего отца. Миссис Мач имела короткое приключение с другим мужчиной. Ее вина, связанная с этим увлечением, и сомнения насчет отцовства Мэри стали навязчивой темой в ее истории. Одну тему, как литанию печали, мы слышали снова и снова: "Люди смотрят на Мэри", - казалось ей. "Они смотрят на нее и знают, что она не дочь своего отца. Они знают, что мать разрушила ее жизнь".

Мистер Мач, который казался нам более сильным из родителей, не был озабочен вопросами отцовства. Он был убежден, что является отцом Мэри. И, в любом случае, он любил Мэри, и она была желанным ребенком для него. Навязчивая обеспокоенность его жены проблемой отцовства приводила к скандалам в доме. "Забудь об этом!", - говорил мистер Мач. "Перестань об этом говорить! Заботься о Мэри!"

В семьях, состоящих из отца и матери, незаконнорожденность ребенка не бывает явной. В случае семейного клана миссис Мач промискуитет женщин на протяжении трех или четырех поколений ставил под сомнение отцовство у многих из детей. Почему же миссис Мач была так обеспокоена? Откуда это мучительное ощущение греха? Это всепроникающее ощущение греха, как мы считаем, относится к детству, к погребенным глубоко грехам, весьма возможно, преступлениям воображения. В нескольких случаях, читая клинические доклады, мы получили сильное впечатление, что Мэри была греховным ребенком инцестуозной фантазии. Но если мы были правы, как можно было достичь этого уровня в нашей психотерапевтической работе при сессинге раз в неделю?

Лечение. Фаза чрезвычайных мер

С чего мы должны были начать? Мы должны были помнить, что Мэри и миссис Мач были нашими первыми пациентками. У нас не было подходящих терапевтических моделей. На самом деле это и было нашей терапевтической задачей: в Программе Ментального Здоровья Младенцев выработать методы по ходу работы. Конечно, имело смысл начать со знакомой модели, в которой бы наш представитель в психиатрии, доктор Зинн, работал с матерью в недельной или двухнедельной психотерапии, и психолог миссис Аделсон обеспечивала поддержку и развивающее руководство в интересах ребенка во время домашних визитов. Но на первых сессиях мы увидели, что миссис Мач ускользала от доктора Зинн и психиатрического лечения. Ситуация, в

которой она оказывалась одна с мужчиной, приводила ее в ужас, и она проводила часы в молчании или говорила о бытовых вещах. Все усилия достичь контакта с миссис Мач или прикоснуться к проблемам ее тревожности или дискомфорта в этих взаимоотношениях вели в тупик. Одна тема всплывала снова и снова. Она не доверяла мужчинам. Но в ее косвенных коммуникациях мы увидели намеки на ужасный секрет, который она никогда никому не откроет. Она чаще нарушала договоренности о встречах, чем соблюдала их. Доктор Зинн удерживал отношения с ней с большими сложностями. Это было за год до того, как мы услышали секрет и поняли, какая фобия вела к этому трудно преодолимому сопротивлению.

Из этого опыта нельзя делать обобщений. Иногда нас спрашивали, есть ли преимущество у терапевтов-женщин, которые работают с матерями, пережившими серьезную материнскую депривацию. Наш ответ после двух лет работы будет: "Не обязательно; иногда вовсе нет". У нас были примеры, когда мужчина-терапевт имел особое преимущество при работе с матерями. Обычно в наших случаях мы не придаем чрезмерного значения полу терапевта. Случай миссис Мач был исключением.

И тогда мы столкнулись с терапевтической дилеммой. Работа миссис Аделсон заключалась в том, чтобы концентрироваться на взаимоотношениях мать-младенец в процессе домашних визитов. Миссис Мач нуждалась в собственном терапевте, докторе Зинне, но патологическая боязнь мужчин, проявившаяся в трансфере, не давала ей пользоваться доступной ей психиатрической помощью. Мы надеялись, что время и терпеливая психиатрическая работа помогут нам раскрыть секрет, который приводил к ее молчанию и ускользанию в трансфере от доктора Зинна.

Но ребенок был в большой опасности. И ребенок не мог ждать разрешения материнского невроза.

Миссис Аделсон, как мы вскоре увидели, не вызывала такой патологической тревожности у миссис Мач, но ее роль терапевта пары мать-ребенок и сеттинг домашних визитов не давали возможности с легкостью вскрывать конфликтные элементы в отношении матери к ребенку и лечение материнской депрессии.

Но поскольку у нас не было альтернативы, мы решили, что будем по необходимости использовать домашние визиты.

То, что появилось в результате, можно назвать "психотерапией на кухне", что покажется вам весьма знакомым как метод, но незнакомым как сеттинг. Метод - разновидность психоаналитической психотерапии - использует трансфер, повторение прошлого в настоящем и интерпретацию. В равной степени важно, что метод включает в себя продолжающееся наблюдение за развитием ребенка и тактичное, не дидактическое обучение матери в распознавании потребностей и сигналов ребенка.

Сеттинг использовал семейную кухню или гостиную. Пациентка, которая не умела говорить, всегда присутствовала на сессиях, если только не спала. Пациентка, которая могла говорить, продолжала заниматься домашними делами, перепеленывать или кормить ребенка. Взгляд и слух терапевта были настроены на восприятие невербальной коммуникации ребенка и вербальной и невербальной коммуникации матери. Все, происходящее между матерью и ребенком, находилось в поле зрения терапевта и в фокусе терапии. Диалог между матерью и терапевтом концентрировался на заботах настоящего и двигался назад и вперед между прошлым и настоящим, между этой матерью с ребенком и другим ребенком, из прошлого. Этот метод оказался подходящим и привел нас позже к исследованию возможностей одного терапевта в домашних визитах.

Сейчас мы попытаемся обобщить опыт лечения Мэри и ее матери и исследовать применявшиеся нами методы.

На ранних стадиях лечения миссис Мач рассказывала свою историю с колебаниями, отстраненным, печальным голосом. Это была история, которую мы коротко описали раньше. Пока мать рассказывала, Мэри, наша вторая пациентка, сидела, опершись на спинку кушетки или лежала на простыне и печальное и отстраненное лицо матери отражалось в печальном и отстраненном лице младенца. В комнате было полно призраков. Материнская история отвержения и пренебрежения сейчас психологически повторялась с ее собственным ребенком.

В этой фазе чрезвычайных мер проблема заключалась в том, чтобы изгнать призраков из детской. Чтобы это сделать, нам нужна была помощь матери в обнаружении повторения прошлого в настоящем, что все мы знали как делать в офисе, который оборудован столом и стулом или кушеткой, но до сих пор никто не учил нас, как делать это в семейной гостиной или кухне. Мы решили, что терапевтические принципы должны быть теми же самыми. Но в фазе чрезвычайных мер мы должны были в интересах ребенка найти путь к конфликтным элементам материнского невроза. Нужно, чтобы ребенок был в центре терапии периода чрезвычайных мер.

Мы начали с того, что спросили себя: "Почему эта мать не может слышать, как плачет ее ребенок?"

Ответ на клинический вопрос уже содержался в материнской истории. Собственный плач этой матери не был услышан. Мы подумали, что в этой гостиной сейчас два плачущих ребенка. Отстраненный голос матери, ее отрешенность мы рассматривали как защиты против печали и невыносимой боли. Ее ужасающая история сперва излагалась лишь фактически, без видимого страдания, без слез. Все, что можно было увидеть, это печальное, безнадежное, пустое выражение лица. Она закрыла дверь перед плачущим ребенком в себе так же, как она закрывала дверь перед своим настоящим плачущим ребенком.

Это привело нас к первой клинической гипотезе: "Когда будет услышан собственный плач этой матери, она станет слышать плач своего ребенка".

Работа миссис Аделсон концентрировалась на развитии терапевтических отношений, при которых молодая женщина, никогда не знавшая доверия, может начать его испытывать, и при которых доверие может привести к высвобождению старых чувств, отсекавших ее от собственного ребенка. По мере того, как история миссис Мач двигалась вперед и назад между собственным ребенком: "Я не могу любить Мэри" и своим детством, обобщаемым фразой: "Я никому не была нужна", терапевт постепенно открывал тропинки для чувств. Миссис Аделсон слушала и выражала словами чувства миссис Мач как ребенка. "Как, должно быть, это было тяжело... Это, наверное, глубоко ранило... Конечно, вы нуждались в матери. Не к кому было обратиться... Да, иногда взрослые не понимают, что все это значит для ребенка. Должно быть, вам нужно было выплакаться... Никто не слышал вас".

Терапевт давала миссис Мач разрешение чувствовать и вспоминать чувства. Возможно, первый раз в жизни миссис Мач кто-то давал ей такое разрешение. И постепенно, как и следовало предполагать, - но только через несколько сессий - начали появляться печаль, слезы и невыразимая боль от того, что она была брошенным ребенком. Облегчением была способность плакать, и ощущение, что аналитик понимает ее, приносило комфорт. И затем на каждой сессии миссис Аделсон наблюдала, как нечто невероятное происходит между матерью и ребенком.

Вы помните, что ребенок практически всегда находился при матери во время этой кухонно-гостиной терапии. Если Мэри требовала внимания, мать вставала посреди сессии, чтобы перепеленать ее или дать бутылочку. Чаще она игнорировала девочку, если та не требовала внимания. Но сейчас, когда миссис Мач получила разрешение

вспоминать свои чувства, плакать и ощущать комфорт и симпатию миссис Аделсон, мы видели, как она подходила к ребенку посреди своих излияний. Она могла взять Мэри на руки и обнять ее, сперва оставаясь отстраненной и занятой собой, но все же держа девочку на руках. И однажды во время первого месяца лечения миссис Мач, выразившая свою печаль, взяла Мэри, прижала ее к себе и стала ей что-то тихо напевать. Затем это произошло опять и несколько раз во время следующих сессий. Излияние старых печалей и ребенок на руках. Призраки начали оставлять детскую.

Это было нечто большее, чем временные жесты взаимности с ребенком. Миссис Аделсон наблюдала множество свидетельств того, что мать и дитя начали находить друг друга. И теперь, когда они начали соприкасаться, миссис Аделсон делала все возможное как терапевт и психолог развития, чтобы поддержать появляющуюся привязанность. Когда Мэри вознаграждала мать особо прекрасной улыбкой, миссис Аделсон комментировала это и отмечала, что ей, миссис Аделсон, такая улыбка не адресовалась, что и должно было быть. Эта улыбка принадлежала только матери. Когда плачущая Мэри начала искать успокоения у матери и утихала в ее руках, миссис Аделсон говорила Мэри: "Как хорошо, когда мама знает, чего ты хочешь". И миссис Мач улыбалась смущенно, но с гордостью.

Скоро эти сессии с матерью и ребенком сформировали свой собственный ритм. Мистер Мач часто присутствовал на короткое время прежде, чем уходил на работу (с ним проводились специальные сессии по вечерам и субботам). Сессии обычно начинались с Мэри, являющейся темой обсуждения. Миссис Аделсон в естественной, неформальной, недидактической манере, с удовольствием комментировала развитие Мэри и включала в свои комментарии полезную информацию о потребностях младенцев шести-семи месяцев, о том, как Мэри узнает мир, и как мама и папа могут помочь ей в этих

открытиях. Родители и миссис Аделсон вместе наблюдали, как Мэри экспериментирует с новой игрушкой или новой позой и отмечали, как она находит новые решения и продвигается вперед. Восторг от наблюдения за ребенком, который был знаком миссис Аделсон, разделялся с мистером и миссис Мач, и, к общему удовольствию, родители начали разделять этот восторг между собой и вести собственные наблюдения за достижениями Мэри.

Во время сессии, после того, как мистер Мач уходил на работу, разговор рано или поздно возвращался к самой миссис Мач, ее печалю в настоящем и детским печалю. Все более и более часто миссис Аделсон могла помочь миссис Мач увидеть связи между прошлым и настоящим и показать миссис Мач, как она, "не осознавая этого", несла свои страдания из прошлого в настоящие взаимоотношения с ребенком. За 4 месяца Мэри стала здоровым, откликающимся, веселым ребенком. Тестирование в 10 месяцев показало по объективным параметрам, что она соответствует своему возрасту в фокусировке внимания на матери, адресованных матери и отцу улыбках и звуках, поиске у матери комфорта и безопасности. По ментальной шкале Бейли она соответствовала своему возрасту. Она все еще была несколько медлительна в моторном реагировании, но в пределах нормы.

Миссис Мач стала отзывчивой и гордой матерью. Однако, наша осторожная оценка собственного состояния матери оставалась прежней: "депрессивная". Миссис Мач действительно прогрессировала, мы видели много знаков того, что депрессия не является больше всепроникающей и ограничивающей, но депрессия все еще присутствовала и была все такой же глобальной. Оставалось еще много работы.

В первые четыре месяца мы достигли еще не излечения материнской болезни, но формы контроля над болезнью, при которой патология, прежде охватывавшая и ребенка, теперь была от ребенка

отведена; конфликтные элементы материнского невроза сейчас идентифицировались матерью, как и нами, как "принадлежность прошлого" и "не относящиеся к Мэри". Появилась связь между матерью и дочерью. И девочка сама поддерживала эту связь. Каждый жест любви со стороны матери она щедро вознаграждала проявлениями своей любви. Миссис Мач, как мы видели, чувствовала впервые в жизни, что ее любят.

Все это создало то, что мы назвали "фаза чрезвычайных мер в терапии". Мы можем ретроспективно сказать, что прошел целый год с этого момента до того, как появилось некое разрешение глубоких внутренних конфликтов миссис Мач, и был ряд проблем во взаимоотношениях мать-ребенок, проявившихся за этот год, но Мэри была вне опасности, и даже детские конфликты второго года жизни не были чрезмерными или патологическими. После того, как связь была сформирована, все остальное уже могло разрешиться.

Другие области конфликта

Мы попробуем обобщить последующие месяцы лечения. Мэри оставалась в фокусе нашей работы. Следуя уже установившемуся паттерну, терапевтическая работа свободно перемещалась от ребенка и его потребности развития проблем - и материнским конфликтным прошлым. Приходит на ум один живой пример. Миссис Мач, несмотря на недавно обретенное удовольствие и гордость материнства, по-прежнему самым бесчувственным и непродуманным образом подбирала няню ребенку. Значение сепарации и временной утраты для годовалого ребенка миссис Мач не понимала. Она нашла себе работу на неполный день (бедность семьи несколько оправдывала необходимость дополнительного дохода). Миссис Мач договаривалась с нянями поспешно и необдуманно, и была удивлена, как и мистер Мач, когда обнаружилось, что Мэри "капризна", "вредничает" и "плохо себя ведет".

Миссис Аделсон попыталась тактично помочь родителям подумать о значении для Мэри материнской любви и временной утраты матери днем. Она столкнулась с непреодолимой стеной. Оба родителя знали лишь случайные и меняющиеся взаимоотношения с родителями и лицами, заменяющими их, в раннем детстве. Значение сепарации и утраты было погребено в памяти. Семейный стиль обращения с сепарацией уходом или смертью был такой: "Забудь об этом. Ты к этому привыкнешь". Миссис Мач не могла вспомнить скорбь или боль при утрате значимых людей.

Нам необходимо было найти возможность установить аффективные связи между утратой и отрицанием утраты для ребенка в настоящем и утратами материнского прошлого.

Однажды утром миссис Аделсон обнаружила в семье полный беспорядок. Мэри плакала при приближении старого гостя, а родители сердились на "упрямого ребенка". Продуманные вопросы миссис Аделсон дали информацию о том, что Мэри только что рассталась с одной няней и у нее появилась другая. Миссис Аделсон поинтересовалась вслух, что это могло бы означать для Мэри. Вчера ее неожиданно оставили в совершенно новом месте с незнакомой женщиной. Она чувствовала себя одинокой и испуганной без матери и не знала, что произойдет. Никто не мог ей ничего объяснить, она была лишь ребенком без возможности выразить свои серьезные проблемы словами. Мы должны попытаться понять ее и помочь ей справиться с ее страхами. Мистер Мач, собиравшийся на работу, остановился и достаточно долго внимательно слушал. Миссис Мач тоже слушала внимательно и, прежде чем муж ушел, попросила его вернуться пораньше, чтобы Мэри не была с няней слишком долго.

Затем была трогательная сессия, когда мать плакала, и ребенок плакал, и нечто очень важное было выражено словами. Миссис Мач вновь и вновь начинала заговаривать о тете Джейн, с которой она жила

первые пять лет своей жизни. От тети Джейн не было письма несколько месяцев. Она думала, что тетя на нее сердита. Она переключилась на разговор о свекрови, о том, как она холодно относится к миссис Мач и отвергает ее. Затем последовали жалобы на нянь, одна из которых сердилась на то, что Мэри плакала, когда мать уходила. Темами были "отвержение" и "утрата", и миссис Мач искала их повсюду в своем настоящем. Она плакала об этом, но даже с помощью осторожных намеков миссис Аделсон не могла провести связей.

Затем миссис Мач оставила комнату и, вернувшись, все еще в слезах, принесла семейный альбом. Она показала миссис Аделсон портреты семьи. Мать, отец, тетя Джейн, сын тети Джейн, который был убит на войне. Такое горе для тети Джейн. Никто в семье не позволил ей оплакивать собственного сына. "Забудь об этом", вот все, что они сказали. Затем она стала говорить о недавней смерти отца и бабушки.

Так много утрат, так много шокирующих событий, сказала она, незадолго до рождения Мэри. В семье всегда говорили: "Забудь об этом". Миссис Аделсон, слушавшая все это сочувственно, напомнила ей, что было и много других утрат, шокирующих происшествий в детстве и младенчестве миссис Мач. Утрата матери, которую она не может вспомнить, и расставание с тетей Джейн в 5 лет. Миссис Аделсон спросила, как миссис Мач могла чувствовать себя, когда она была слишком мала, чтобы понимать, что происходит. Глядя на Мэри, сидящую у матери на коленях, миссис Аделсон сказала: "Интересно, можем ли мы понять, как бы чувствовала себя Мэри, если бы она неожиданно оказалась в незнакомом доме и не на час или два с няней, но постоянно, и никогда бы не увидела мать и отца. Мэри не смогла бы этого понять; это встревожило бы ее и очень огорчило. Интересно, как это переживается, когда девочка совсем мала".

Миссис Мач слушала, глубоко погрузившись в свои мысли. Спустя мгновение она сказала жестким голосом: "Нельзя заменить одного

человека другим... Невозможно прекратить любить их и думать о них. Просто невозможно кого-то заменить". Сейчас она говорила о себе. Миссис Аделсон согласилась и затем осторожно вернула инсайт обратно к Мэри.

Это было для миссис Мач началом новых инсайтов. По мере того, как ей помогали переживать утраты, скорбь и чувство отвержения в своем детстве, она больше не могла причинять боль собственному ребенку. "Я никогда не хотела бы, чтобы моя девочка себя так чувствовала", - сказала она с глубоким чувством. Она начала понимать, что такое утрата и печаль. С помощью миссис Аделсон она начала выработать стабильный план для Мэри с няней при полном понимании значения этого для ребенка. Тревожность Мэри начала уменьшаться, и она вошла в новый режим.

Наконец, мы узнали ужасающий секрет, который определял трансфер к доктору Зинну, и вынудил ее ускользнуть из психиатрического лечения. Патологический страх находиться в одной комнате с доктором, навязчивое чувство вины, связанное с сомнительным отцовством Мэри, создали у нас сильное клиническое впечатление, что Мэри была "инцестуозным ребенком", созданным в далекой детской фантазии и ставшим реальным после недозволенной связи со случайным любовником. Конечно мы не имели в виду ничего, кроме "инцестуозной фантазии". Мы не были подготовлены к истории, которая проявилась в итоге. С огромным стыдом и страданием миссис Мач рассказала миссис Аделсон на втором году лечения о своих детских секретах. Отец обнажался перед ней, когда она была ребенком, и приближался к кровати, где она спала с бабушкой. Бабушка обвиняла ее в соблазнении дедушки. Это миссис Мач отрицала. А ее первая связь в возрасте 11 лет была с кузеном, к которому она относилась как к брату, поскольку они жили в одном доме в раннем детстве. Инцест миссис Мач был не

фантазией. И теперь мы смогли понять навязчивое чувство вины, связанное с неопределенным отцовством Мэри.

Мэри в возрасте 2-х лет

На втором году лечения миссис Аделсон продолжала оставаться терапевтом миссис Мач. Доктор Зинн завершил свое участие, а трансфер миссис Мач к миссис Аделсон способствовал продолжению их совместной работы. Вильям Скафер, штатный психолог, стал направлять работу с Мэри. (У нас больше нет отдельных терапевтов для родителей и ребенка, но в этом первом случае мы все еще экспериментировали).

Интересно, что в начальных встречах с мистером Скафером миссис Мач вновь испытывала патологический страх "мужчины", оживший в трансфере, но к этому моменту у миссис Мач были большие успехи в процессе терапии. В трансфере к мистеру Скаферу тревожностью можно было управлять и выдавать ее миссис Аделсон, которая помогала поместить ее в контекст инцестуозного материала, проявившегося в лечении. Тревожность снизилась, и миссис Мач смогла сформировать сильный альянс с мистером Скафером. Руководство развитием ребенка на втором году жизни стабилизировало еще больше отношения мать-дитя, и Мэри продолжала прогрессировать, даже когда ее мать прорабатывала в собственной терапии очень болезненный материал.

Осталось ли что-то в личности Мэри от ранних месяцев отвержения? Сейчас, на данный момент, Мэри 2 года. Она очень привлекательный ребенок, во всех отношениях адекватный своему возрасту, и никаких особых проблем в ее развитии нет. Могут быть остаточные явления, которые мы не можем обнаружить, по крайней мере, пока. На настоящий момент они для нас неразличимы. Имеются ли депрессивные тенденции? Ничего, что мы могли бы заметить. На фрустрацию, например, она реагирует не отстранением; она утверждает

себя, что мы рассматриваем как благоприятный знак. Осталось некоторое смущение и торможение в игре, что, похоже, связано с временным увеличением социального дискомфорта матери, как при новом сеттинге или с незнакомцами.

Привязанность Мэри к матери и отцу кажется нам соответствующей ее возрасту. В спонтанной игре в куклы мы видели сильную позитивную идентификацию с матерью и материнскими действиями. Она играет роль заботливой матери для своих кукол, с удовольствием кормит и одевает их и нашептывает им добрые слова. В последнем тесте Бейли она разбросала в беспорядке тестовый материал, когда увлеклась куклой Бейли, и ее невозможно было подвести к следующему заданию теста. Она хотела играть с куклой; она оттолкнула кубики, предназначенные для строительства башни, и наконец пришла к компромиссу на своих условиях, используя кубики, чтобы построить "стул" для куклы.

Во время игры в куклы, когда ей было год и 10 месяцев, мистер Скафер услышал от нее первое предложение. Кукла случайно оказалась за дверью на пружине, и Мэри не могла достать ее. "Я хочу моего ребенка!" - требовательно произнесла она. Хорошее предложение для двухлетней девочки. Для всех нас, кто знал историю Мэри, это было очень трогательно.

Для нас история здесь должна закончиться. Семья продолжает жить. Мистер Мач начал новую карьеру с очень хорошими перспективами, в новом обществе, предоставившем ему комфортабельные условия и теплый прием. Внешние обстоятельства выглядят многообещающими. Что более важно, семья стала более дружной. Отвержение уже не является основной проблемой. Одним из самых обнадеживающих знаков была способность миссис Мач справляться со стрессом, вызванным неуверенностью при выборе работы. Когда пришло время расставаться, она могла открыто признать

свою печаль. Она выразила желание лучшего будущего для Мэри: "Я надеюсь, что она вырастет более счастливой, чем я. Надеюсь, что у нее будет лучший брак и дети, которых она будет любить". Она про себя просила нас запомнить ее, как "человека, который изменился".

Грэг

В первые недели нашей новой программы нас попросили провести обследование Грэга, которому было 3,5 месяца. Его шестнадцатилетняя мать Анни отказывалась заботиться о нем. Она избегала физического контакта с младенцем; она часто забывала покупать ему молоко и кормила его "Kool-Aid" и "Tang". Она переложила заботу о ребенке на своего 19-летнего мужа Ёрла.

Семья Анни была известна социальным агентствам на протяжении трех поколений. Правонарушения, промискуитет, насилие над детьми, отвержение, нищета, школьные неудачи и психозы приводили каждого члена этой семьи в клинику или суд нашего общества. Анни Бейер, шестнадцатилетняя мать, представляла третье поколение матерей своей семьи, реально или психологически отвергающих своих детей. Мать Анни предоставила заботу о своих детях другим - как это делала и ее мать. За помощью в наше агентство обратилась именно мать Анни, бабушка Грэга. Она сказала: "Я не хочу увидеть, как то, что произошло со мной и моими детьми, случится с Анни и ее ребенком".

Вивиан Шапиро позвонила и немедленно договорилась о домашнем визите. Присутствовали мать, отец и Грэг. Миссис Шапиро встретила холодная и молчаливо-враждебная мать-подросток, печальный, запутавшийся мальчик, ставший отцом, и ребенок, ни разу на протяжении часа не взглянувший на мать. По оценке миссис Шапиро развитие Грэга соответствовало его возрасту, и позже ее впечатления были подтверждены нашим тестом развития. Это говорило о некоторой минимальной адекватности в уходе за ребенком, и у нас были основания считать, что это Ёрл, отец, заботился о Грэге. Когда во время

сессии Грэгу что-либо требовалось, Анни подталкивала к нему мужа или брала ребенка и отдавала отцу. Он чувствовал себя уютно на руках отца и улыбался ему.

Всю эту сессию и многие последующие Анни провела в кресле. Она была полной, имела неухоженный вид, и лицо ее не выражало никаких эмоций. Эту маску миссис Шапиро приходилось видеть много раз, но когда Анни начинала говорить, в ее голосе сквозила едва контролируемая ярость.

Она не нуждалась в нашей помощи. Ничего неправильного ни с ней, ни с ее ребенком не произошло. Она обвиняла мать, что та что-то против нее замышляет, и миссис Шапиро была частью этого заговора. Первые недели работы нашей главной задачей стало завоевать доверие Анни. Удерживать это доверие, после того, как оно было достигнуто, было столь же сложно. Большим преимуществом миссис Шапиро, как и у всех нас, было то, что она пришла с богатым клиническим опытом работы с детьми и подростками. Для опытного социального работника не является неожиданностью девочка-подросток, которая ведет себя вызывающе, провоцирует самым безжалостным образом, устраивает постоянные проверки, нарушает сеттинг и исчезает на другое место жительства. Миссис Шапиро могла ждать, пока она получит доверие Анни. Но ребенок был в опасности, и за несколько визитов мы поняли, как велика эта опасность. Мы задали себе вопрос: "Почему Анни избегает прикасаться к ребенку и обнимать его?" Чтобы найти ответы мы должны были узнать об Анни больше, чем она хотела рассказать нам в эти ранние сессии, полные враждебности. И здесь всегда был Грэг, чьи потребности были безотлагательны, и он не мог ждать, пока мать-подросток установит терапевтический альянс, что в этом возрасте является процессом медленным. Отстраненность Анни от своего ребенка очевидно объяснялась не незнанием потребностей младенцев. Доктора и медсестры дали множество мудрых

советов до тех пор, как мы впервые встретили семью Бейер. Она просто не могла воспользоваться этими советами.

Разъясняющая сессия

Во время шестого домашнего визита в Анни проявилось состояние одинакового и испуганного ребенка. Анни начала говорить о себе. Ее ужасно злит, сказала она, когда муж и другие люди считают, что она не делает достаточно для своего ребенка. Она же знает, что делает. В любом случае, сказала она, ей никогда не нравилось обнимать младенца - с тех пор, как она сама была маленькой. Когда она была маленькой, ей приходилось заботиться о младшей сестре. Ей давали ребенка и говорили, что надо держать его. Она предпочла бы оставить ребенка в кровати.

Затем, направляемая тактичными вопросами, она начала говорить о своем детстве. Мы услышали, что Анни, девятилетняя девочка, была ответственна за воспитание и кормление своих братьев и сестер - после того, как возвращалась из школы. За любым уклонением от этих обязанностей следовали побои ее отчима, мистера Брэга.

Анни говорила о своем детстве ровным скучным голосом, с некоторой долей горечи. Она помнила все леденящие детали. То, что Анни рассказывала терапевтам, было не фантазией и не искажением, поскольку история семьи Анни была зафиксирована в социальных агентствах и клиниках нашего сообщества. Мать периодически оставляла семью. Отец умер, когда Анни было 5 лет. И был мистер Брэг, отчим, алкоголик, возможно психотик. За малейшие провинности он тащил Анни в сарай и бил палкой.

Когда миссис Шапиро заговорила о чувствах Анни, когда та была ребенком, о гневе, страхе и беспомощности, Анни отвергла это сочувствие. Она цинично рассмеялась. Она была жесткой. Ее сестра Милли и она просто смеялись над стариком, когда это заканчивалось.

На этой сессии посреди пересказа Анни ужасающих фактов из ее детства, Грэг раскричался, требуя внимания. Анни вышла в спальню и принесла его с собой. Впервые за шесть визитов миссис Шапиро видела, как Анни держит Грэга на руках.

Это был тот момент, которого ждала миссис Шапиро. Возможно, это был знак, что если Анни сможет говорить о страданиях своего детства, она сможет приблизиться к своему ребенку.

Когда мать склонилась над ребенком, он схватил ее за волосы. Анни все еще наполовину в прошлом и наполовину в настоящем, сказала: "Однажды отчим обрезал мне волосы вот так", - и она показала на уши, - "Это было наказание, поскольку я плохо себя вела". Затем миссис Шапиро сказала: "Должно быть, это было ужасно для вас!". И Анни впервые признала свои чувства: "Это было ужасно. Я рыдала целых три дня".

Затем Анни начала говорить с ребенком. Она сказала ему, что он пахнет, и его надо перепеленать. Когда Анни это делала, Грэг стал присматриваться к игрушкам. Сзади него на кровати лежала игрушка. Это был игрушечный пластмассовый молоток. Анни взяла молоток и слегка постучала ребенку по голове. Она сказала при этом: "Я тебя побью. Я тебя побью!" Она говорила шутя, но миссис Шапиро почувствовала в этих словах угрожающее намерение. Затем миссис Шапиро услышала, что Анни говорит ребенку: "Когда ты вырастешь, я могу убить тебя".

Это был конец сессии. Миссис Шапиро сказала все те вещи, которые могли успокоить Анни, поддержала ее позитивные стремления к материнству, поддерживая те части эго этой девочки-матери, которые искали защиты от опасных импульсов.

Но, как мы знали, обсуждая эту сессию между собой в офисе, это было недостаточно, чтобы оградить ребенка от матери. Если Анни будет

опираться на терапевта, как на дополнительное эго, то ей придется общаться с терапевтом постоянно.

Срочное клиническое совещание

Вопрос был в том, как мы можем помочь Анни и ее ребенку. Теперь мы знали, почему Анни боялась быть ближе к ребенку. Она боялась собственных деструктивных импульсов по отношению к нему. Мы прочли эти знаки в прорывающихся бессознательных импульсах, в поддразнивании ребенка. Мы не могли интерпретировать садистические импульсы, которые Анни сама не осознавала. Если мы объединимся с ее эго, чтобы удерживать вытеснение этих садистических импульсов, Анни будет отстраняться от ребенка. А ребенок тоже был нашим пациентом. Самым уязвимым пациентом.

Мы были внимательны к малейшим позитивным знакам на этой сессии. После разговора о своих детских ужасах, даже несмотря на то, что аффекта в рассказе не было, Анни взяла своего ребенка и прижала его к себе. Впервые за шесть сессий мы видели близость между матерью и ее ребенком. Если Анни сможет вспоминать свое детское страдание и говорить о нем, удастся ли нам найти пути освободить ее ребенка от ее прошлого и помочь ей стать настоящей матерью Грэга? Если Анни поможет исследовать ее чувства к младенцу, если мы сможем извлечь непроговариваемые мысли, сможет ли Анни стать ближе к своему ребенку?

Мы, возможно, были на правильном пути, если рассматривать это как упражнение в чистой методологии. Рассмотрение случая вытекало из психоаналитического опыта. Но это не было психоанализом. Сельма Фрайберг, психоаналитический консультант, рассказывала, что она неожиданно обнаружила, что осталась без всех условий и защит, спасающих от ошибки, встроенной в психоаналитическую ситуацию. В первую очередь, условия этой терапии в интересах ребенка и его матери-подростка требовали как можно быстрее защитить ребенка. При

всех нормальных условиях в терапии мы верили в осторожное исследование, оценку возможности эго справиться с болезненными аффектами, оценку защитной структуры пациента. Как опытные терапевты, работавшие с подростками, мы также знали, что завоевать доверие враждебной девочки удастся в лучшем случае за несколько месяцев работы. А ребенок был в опасности сейчас.

Мы были внимательны к защитами против болезненных аффектов, которые увидели у Анни. Она фактически вспоминала переживания насилия в детстве. Но о своем страдании она не вспоминала. Сможет ли высвобождение аффекта в терапии увеличить риск ее отыгрывания с собственным ребенком, или же этот риск уменьшится? После тщательного обсуждения всех альтернатив мы с некоторым трепетом решили, что шансы отыгрывания все же будут больше, если тревожность и ярость не проявятся в лечении. Сельма Фрайберг вспоминает: "Если говорить о себе, я была уверена, что именно родитель, который не может вспомнить чувство боли и тревожности в своем детстве, нуждается в том, чтобы причинять боль своему ребенку. А затем я подумала - но что, если я не права?"

Затем мы вынуждены были столкнуться с другой психотерапевтической проблемой этой психотерапии раз в неделю. Если мы прорабатываем пласты погребенных аффектов, можно предсказать, что терапевт, который будет изгонять призраков, сам будет в трансфере наделен пугающими чертами призрака. Мы должны были подготовиться к встрече с трансферными признаками и ожидать их на каждом шагу.

Когда год спустя мы пересматривали заметки этого совещания, мы были удовлетворены тем, что формулировки лечения выдержали хорошую практическую проверку. Сейчас мы знаем, судя по прогрессу нашего лечения, что основные линии работы были хорошо продуманы.

Но сейчас мы приглашаем вас последовать за нами в отходе от лечения, который оказался в результате также важен, как и психотерапевтический план.

Прежде чем нам удалось привести в действие план лечения, Анни совершила побег от терапевта.

Анни запирает дверь: уход от лечения

Вы помните, что наше срочное совещание последовало за критической шестой сессией, на которой Анни начала говорить о том, как ее били в детстве. Седьмая сессия была домашним визитом, при котором присутствовали родственники Анни, пришедшие ее навестить, и не было никакой возможности поговорить с ней наедине. На восьмой сессии миссис Шапиро говорила с Анни и Ёрлом о продолжении лечения и попросила их обсудить вместе с ней, как лучше всего можно помочь их семье. Ёрл с симпатией сказал, чтобы миссис Шапиро продолжала навещать их. Он сказал, что чувствует, что миссис Шапиро помогает им видеть такие вещи в развитии Грэга, которые они бы никогда не смогли увидеть самостоятельно. Анни хранила молчание. Когда миссис Шапиро осведомилась о ее желаниях, Анни сказала с некоторым колебанием, что она хотела бы, чтобы миссис Шапиро продолжала приходить. Она хотела бы говорить о ребенке и о самой себе.

На этой сессии Анни сама продолжила историю, начавшуюся на шестой сессии. Сперва она начала говорить о своем страхе, что Ёрл слишком быстро едет и может попасть в аварию. А ребенку нужен отец. Грэгу нужен отец. Это привело ее к разговору о своем отце, о своем настоящем отце, сопровождавшемся некоторой аффектацией. После того, как ее отец умер, когда Анни было 5 лет, никто о ней не заботился. Несколько мужчин жили с матерью Анни. Были шесть детей, рожденные от четырех различных отцов. Милли была любимицей матери. Анна сказала с горечью: "Они не хотели меня. Я не хотела их. Я ни в ком не нуждаюсь". Она опять заговорила о мистере Брэге и о побоях. Сперва

она плакала, но он не останавливался. Позже она начала смеяться, поскольку ей не было больно. Он бил ее палкой. Он бил ее, пока палка не ломалась.

После того, как отец Анни умер, ее мать исчезла. Она поехала на работу в другой город, оставив детей со старой женщиной. Старая женщина, наказывая детей, не пускала их в дом. Она вспоминала, как однажды ночью они с Милли оказались перед закрытой дверью, на морозе, прижимаясь друг к другу. Мать, похоже, не знала, что происходит. Даже когда она вернулась в семью, она пошла на работу, и даже когда она была не на работе, казалось, что она отсутствует.

Миссис Шапиро слушала с большим сочувствием. Она заговорила о потребности ребенка в защите. Как испуган может быть ребенок, когда его некому защитить. Как сильно Анни не хватало матери и материнской защиты. Возможно, она будет другой матерью для Грэга. Чувствует ли она, что должна его защищать? "Конечно", - ответила Анни.

Миссис Шапиро мягко заговорила о глубоком одиночестве и несчастье Анны в детстве, и как это сложно быть молодой матерью, когда так много не хватало в собственном детстве. Миссис Шапиро и Анни могут вместе поговорить обо всем этом во время будущих визитов. Как чувствовала миссис Шапиро, это была хорошая сессия. Прояснение роли терапевта, признание, что Ёрл и Анни хотят помощи для себя и для ребенка. Для Анни - разрешение начать вспоминать. Разрешение, которое она не готова было принять. Но это произойдет.

После этого визита Анни отказалась видеть миссис Шапиро. Был ряд нарушенных договоренностей. Время назначалось, но Анни не было дома. Или миссис Шапиро появлялась у дверей, в доме были все признаки присутствия, но Анни не открывала дверь. Анни в прямом смысле слова закрывала дверь перед миссис Шапиро.

Во время такого периода понимание природы трансферного сопротивления пациента, заставляющего запирает дверь перед

терапевтом - утешение небольшое. Но гораздо хуже осознавать, что за закрытой дверью два пациента, и один из них - ребенок.

Когда на последней сессии проявились воспоминания о детских страхах, изначальные аффекты всплыли на поверхность - не во время терапевтического часа, но после него - и терапевт стала представителем страхов, который мог быть назван. Анни не могла вспомнить или пережить свою тревожность во время жестоких побоев мистера Брэга, но тревожность стала связана с личностью терапевта, и Анни ускользнула. Анни не помнила своего ужаса, когда оказалась запертой вне дома женщиной, которая оставалась с детьми, когда мать оставила семью, и чтобы удостовериться, что она не вспомнит, призраки и эго сговорились не пускать в дом миссис Шапиро. Анни не помнила, как ужасно быть покинутой матерью, но она отыгрывала этот опыт в трансфере, создавая условия, при которых терапевт мог покинуть ее.

Мы были практически беспомощны. Но мы не хотим сказать, что психоаналитический инсайт не был значимым. Понимание всего этого давало нам способ контроля контртрансфера. Мы не собирались покинуть Анни и ее ребенка. Мы понимали, какое страдание кроется за провоцирующей и жесткой подростковой позицией, и могли откликаться на тревожность, а не на защиту. Единственное, чего нам не хватало, это пациента, которому мог бы пойти на пользу этот инсайт. И еще был младенец, находившийся в большей опасности, чем его мать.

За два месяца, во время которых миссис Шапиро не пускали в дом, доклады дедушки и бабушки, медсестер и других людей усиливали нашу тревогу. Анни демонстрировала симптомы фобии. Она боялась быть одна в доме. И она вновь была беременна. Грэг выглядел покинутым. Он страдал от повторяющихся респираторных заболеваний и не получал достаточную медицинскую помощь. Дедушка и бабушка беспокоились о Грэге и рассказывали миссис Шапиро, что Анни грубо играет с ним, дергая за лодыжки.

Наша тревога за Грэга привела нас к болезненному решению. В госпитале в нашем обществе мы обязаны по этике и по закону докладывать о случаях отвержения и предполагаемого или реального насилия службам защиты. В случае, если терапевтические альтернативы отвергаются семьей (как произошло с Анни) доклад обязателен. Закон мудр, но выполнением нашего законного долга мы принесли бы другую трагедию в семью Бейер.

Это был критический момент не только для семьи, но для миссис Шапиро и для всей нашей команды. Нет худшей ситуации для клинициста, чем обладать знанием и методами предотвратить трагедию, но не быть в состоянии доставить эту помощь тем, кто в ней нуждается. Говоря клинически, разрешение проблемы крылось в трансферном сопротивлении. Исследование негативного трансфера с Анни могло бы предотвратить дальнейшее отыгрывание. Мы все знаем, как обращаться с трансферными призраками в офисе, с пациентом, который хотя бы нехотя сотрудничает с нашими методами. Но что нам делать с негативным трансфером, когда пациентка запирается в доме со своим ребенком и своими призраками и не отвечает на стук?

Разрешение ситуации было чрезвычайно важно для Грэга. Миссис Шапиро хотела приготовить Анни и Ёрла к болезненной альтернативе, которая открывалась перед нами, к обращению в службы защиты. Но Анни отказалась открывать дверь, когда миссис Шапиро позвонила. Миссис Шапиро написала письмо, отослав его Анни с Ёрлом и бабушкам и дедушкам с той и другой стороны. В этом письме она говорила о нашей обеспокоенности и глубокой заботе о молодых родителях и их ребенке. Она говорила о наших многочисленных попытках принести семье нашу помощь и о том, что наше желание помочь им все еще остается. Если они считают, что мы не можем им помочь, мы будем вынуждены искать помощь на стороне и сделать запрос в службы защиты. Ответ будет ожидаться в течение недели.

Через несколько дней мы узнали о влиянии этого письма на Анни, Ёрла и их родителей. Анни плакала все выходные. Она злилась на миссис Шапиро. Она была испугана. Но в понедельник она позвонила миссис Шапиро. Голос ее был усталым, но она смогла сказать, что все в письме миссис Шапиро было правдой. Она согласна встретится с миссис Шапиро.

Продолжение лечения

Так начались новые отношения между Анни и Ёрлом и миссис Шапиро. Шаг за шагом миссис Шапиро преодолевала недоверие Анни, ее гнев на миссис Шапиро и всех "помощников" и проясняла свою собственную роль как человека, дающего помощь. Миссис Шапиро была на стороне Анни, Ёрла и Грэга и хотела сделать все возможное, чтобы помочь им найти все то хорошее, что они хотели и заслужили в своей жизни, и дать Грэгу все, в чем он нуждается, чтобы быть здоровым и счастливым ребенком.

Для Анни отношения с миссис Шапиро стали новым опытом, непохожим на все, ей известное. Миссис Шапиро начала открыто оперировать с гневом, который Анни к ней чувствовала, и помогла Анни безопасно выражать гнев в словах. Поскольку в семейном паттерне гнев смешивался с убийственной яростью, Анни могла оперировать с ним только уходом или идентификацией с агрессором. В семейном театре гнев на мать и отвержение матерью были темами связанными. Но Анни училась тому, что она может чувствовать гнев и признавать существование гнева по отношению к терапевту, а терапевт не будет ни мстить, ни покидать ее. Переживать гнев в трансфере на терапевта было безопасно, и в этих безопасных взаимоотношениях тропинка гнева привела к детским печалям и страхам. Это было нелегко для Анни. Она призналась на сессии вскоре после того, как миссис Шапиро вновь начала навещать ее, что она чувствовала себя плохо, когда терапевт к

ней приходила. Да, она негодовала на нее. "Но в чем польза разговора? Я всегда держу все в себе. Я хочу забыть. Я не хочу об этом думать".

Миссис Шапиро при полном сочувствии к страданию Анни и потребности забыть обсуждала с Анни тот факт, что попытка забыть не приводит к освобождению от чувств или воспоминаний. Анни будет мирно сосуществовать со своими чувствами, когда будет разговаривать о них с миссис Шапиро. С помощью этого разговора терапевт сможет помочь Анни чувствовать себя лучше.

На этой самой сессии Анни не ответила словами. Но в этот самый момент она взяла Грэга и прижала его к себе, покачивая на руках. Но ее внутреннее напряжение перешло на Грэга, она сжимала его слишком сильно и ребенок начал протестовать. Мы видели, что Анни спонтанно взяла ребенка и это был благоприятный знак. (Ее неловкость со временем стала исчезать и позже мы наблюдали ее возрастающее удовольствие от физической близости с ребенком).

Во время успешных сессий Анни принимала разрешение говорить о своих чувствах. Рассказ о лишениях ее детства, о жестокости и отвержении появился снова, как если бы сейчас можно было подвести итоги истории, которая начала рассказываться два месяца назад. Но сейчас миссис Шапиро знала, что заставило Анни уйти от лечения 2 месяца назад, и ее инсайт мог быть применен как метод, который мог предотвратить уход или отыгрывание и привести к окончательному разрешению. Уход Анни вызвало не рассказывание историй, но невыраженный аффект, который удерживался в изоляции от воспоминаний. Анни, как вы помните, описывала в точных и ужасающих деталях побои отчима, но аффект был изолирован. Она цинически смеялась на ранних сессиях. Где-то между фактическим рассказом о побоях и отвержении и уходом от миссис Шапиро аффект, удерживающийся в частичном вытеснении проявился, и гнев, страх,

ужас стали искать объект, искать имя для себя, и этим именем оказалась миссис Шапиро.

В этот раз с начала лечения миссис Шапиро пыталась извлечь аффект одновременно с рассказом и сделать безопасным его воспоминания. Когда сейчас была рассказана история детских ужасов, миссис Шапиро предложила свой комментарий. "Как, должно быть, это пугало ребенка. Вы же тогда были только ребенком. Никто не мог защитить вас. У каждого ребенка есть право на защиту и заботу". Анни сказала с горечью: "Предполагается, что детей должна защищать мать. Моя мать этого не делала". Один рефрен этих сессий повторялся снова и снова: "Мне было больно. Мне было больно. Все в моей семье были так жестоки". Затем другой рефрен: "Я не хочу никому повредить. Я не хочу никому сделать больно". Миссис Шапиро, внимательно слушая это, сказала: "Я знаю, что вы никому не хотите принести вред. Я знаю, как вы страдали и как это больно. Когда мы говорим о ваших чувствах, даже хотя это больно вспоминать, мы пытаемся найти общий язык со всеми этими вещами, и вы станете такой матерью, какой хотите быть".

Анни, как мы увидели, уловила обе стороны послания. Миссис Шапиро была на стороне эго, которое защищалось против бессознательного желания причинить вред и возобновить боль ее собственного детства; в то же время, миссис Шапиро говорила: "Со мной безопасно разговаривать о пугающих воспоминаниях и мыслях, и когда вы говорите о них, вам больше не нужно их бояться, у вас будет другой вид контроля над ними". Миссис Шапиро также заранее рассмотрела вместе с Анни возможность негативных трансферных чувств, которые могут возникнуть на сессиях, когда оживают болезненные воспоминания. Миссис Шапиро сказала Анни: "Может случиться так, что при разговорах о вашем прошлом, вы почувствуете гнев на меня, не зная сами почему. Возможно, вы сами сможете сообщить мне, когда

такое случится, и мы попытаемся понять, как ваши чувства в настоящем связаны с воспоминаниями прошлого".

Для Анни, однако, не так просто было сказать кому-либо, что она сердится. Она сопротивлялась тому, чтобы выразить словами свой аффект, столь очевидно проявляющийся в ее выражении лица и языке тела. Когда миссис Шапиро спросила Анни, что, по ее мнению, миссис Шапиро может сделать, если Анни разозлится на нее, Анни сказала: "Иногда я приближаюсь к людям - и тогда я выхожу из себя, а когда это происходит, они уходят". Миссис Шапиро уверила Анни, что она может воспринять злые чувства Анни и не уйдет. Получив разрешение выражать гнев, Анни на следующих сессиях проявляла свою ярость, часто в трансфере, и очень медленно и постепенно гнев к объектам прошлого был пережит и помещен в соответствующий контекст, так что Анни могла относиться к своей семье в настоящем менее конфликтным образом.

Во время всех этих сессий миссис Шапиро внимательно наблюдала за Грэггом, все время находящимся в комнате. Будет ли разливающаяся ярость поглощать Грэга? Но вновь, как и в случае Мэри, мы стали свидетелями необыкновенных изменений в отношении молодой матери к Грэгу. Посреди выражения гнева и слез, когда Анни говорила о своем угнетающем прошлом, она подошла к Грэгу, взяла его и заключила в объятия, и стала бормотать ему что-то успокаивающее. Мы теперь знали, что Анни больше не боится своих деструктивных чувств к ребенку. Ярость принадлежала к прошлому, к другим фигурам. И в ее идентификации с ребенком начинала проявляться защищающая любовь. До того она была идентифицирована с агрессорами своего детства, сейчас же она являлась защитницей своего ребенка, давая ему то, что не давали ей или давали очень редко в ее детстве. "Никто", - сказала Анни однажды, - "никогда не сделает больно моему ребенку, как это было со мной".

Миссис Шапиро в своей работе передвигалась вперед и назад между историей прошлого Анни и ее настоящим. Она помогла Анни увидеть, как страх родительских фигур ее детства привел ее к идентификации с их пугающими качествами. По мере того, как Анни продвигалась к защищающим отношениям с собственным ребенком, миссис Шапиро подкрепляла все эти изменения своими собственными наблюдениями. Иногда, говоря о Грэге, миссис Шапиро могла сказать: "Разве это не прекрасно, иметь маму, которая знает, что тебе нужно?" По мере того, как Грэг, ставший более подвижным, начал тянуться к матери все более и более за любовью, комфортом и общением, миссис Шапиро привлекала внимание Анни к каждому такому движению. Грэг, как она указывала, учился любить свою мать и доверять ей, и всем этим мы обязаны Анни и ее понимающему отношению к Грэгу. Анни сейчас держала Грэга на руках, прижимая к себе в защищающих объятиях. Мы больше не слышали "шуточных" угроз избиения и убийства, которые случались несколько месяцев назад. Анни кормила ребенка, используя тактичные предложения миссис Шапиро по созданию подходящей для ребенка диеты.

В этой семье, где не было традиций воспитания, миссис Шапиро часто приходилось быть тактичным воспитателем. В семьях Анни и Ёрла даже семимесячный ребенок рассматривался как существо, способное на злобу, месть и хитрость. Если ребенок плачет, он "злой". Если настаивает на своем, он "упрямый". Если отказывается выполнять просьбу, он "испорченный". Если его нельзя успокоить, он просто "пытается кого-то достать". Миссис Шапиро часто задавала вопрос: "Почему?" Почему он плачет? Почему он упрям? Почему бы это могло быть? Оба родителя, сначала удивленные незнакомым подходом к ребенку, начали ассимилировать обучение миссис Шапиро. Все в большей и большей степени в течение недель и месяцев мы видели, как родители сами искали причины, снижая неприятность путем нахождения

условий, ей предшествующих. И Грэг начал расцветать. Это не значит, что за несколько месяцев мы преодолели жестокое влияние собственного детства Анни. Но сейчас у нас был доступ к прошлому. Когда голос Анни иногда становился резким, и она грубо обходилась с Грэгом, Анни знала так же хорошо, как и миссис Шапиро, что это призрак ее детства вторгся в детскую снова. И вместе они могли найти смысл этого настроения, которое неожиданно захватило ее.

По мере того, как развивался ребенок и пересматривалось конфликтное прошлое Анни, мы начали видеть одну фигуру, проявляющуюся из детства Анни, которая олицетворяла заботу, терпимость, понимание. Это был настоящий отец Анни, который умер, когда ей было пять лет. В памяти Анни, он был добрым и честным. Он никогда не бил ее. Он никогда бы не позволил другим людям быть жестокими к ней, если бы только он был жив. Когда она говорила о своем отце, любовь и чувство утраты переполняли ее. Конечно, не имеет значения, были ли ее воспоминания об отце настоящими или нет. Что важно, это то, что в хаосе и ужасе ее детства был все же человек, который давал ей чувство любви и защиты. Именно это было найдено в ее прошлом, когда там искали что-либо хорошее, скрытый ресурс силы, и миссис Шапиро помогала Анни сохранять живым это хорошее воспоминание. Мы теперь поняли другую часть мозаики. Когда мы впервые познакомились с семьей Бейер, как вы помните, Анни не только отказывалась заботиться о своем ребенке, но постоянно отдавала его мужу, отцу ребенка, чтобы тот заботился о нем. Все это стало меняться за те месяцы, когда Анни с помощью терапевта училась тому, что и мать тоже может защищать своего ребенка.

Грэг сам демонстрировал усиление своей связи с матерью в эти ранние месяцы работы. В десятимесячном возрасте, перед тем, как миссис Шапиро оставила семью на время своего отпуска, его поведение с матерью демонстрировало избирательный отклик и поиск ее, больше

улыбок и желание контакта с ней, стремление к матери за успокоением и общением. Но все еще оставался, как мы видели, некоторый страх матери, когда ее резкий голос останавливал его посреди какого-либо обыденного проступка.

Во время этих месяцев, как мы помним, Анни была беременна. Она редко говорила с миссис Шапиро о будущем ребенке. Это было так, как если бы беременность не была для нее реальной. Не было никаких фантазий о ребенке. Она была полностью занята собой и Грэгом, который для нее стал центральной темой.

В июле, когда миссис Шапиро была на отдыхе, Анни родила мертвого ребенка. Когда миссис Шапиро вернулась, Анни была печальна и перегружена чувством вины. Смерть ребенка, как она думала, была наказанием ей. Она не хотела ребенка, и она думала, что Бог не хочет, чтобы ребенок, которого не будут любить, приходил в мир. Много часов мы провели в связывании вместе переживаний утраты и упреков к себе.

Во время этого периода Анни также начала понимать с помощью терапевта, почему она не была готова к появлению другого ребенка. Она опустошала все свои эмоциональные ресурсы, чтобы дать заботу и любовь Грэгу, и, отдавая, чувствовала себя полностью истощенной. У нас много раз создавалось впечатление, что она поддерживает себя в теплом и заботливом отношении с терапевтом, набирается сил, заполняя недостаточность собственного переживания любви в отношениях с терапевтом. Эти отношения всегда, конечно, оставались профессиональными, но для эмоционально истощенной девочки, с которой все были жестоки, эта профессиональная забота и понимание переживались как дающаяся ей любовь.

Неудовлетворенный голод детства приводил к настойчивости призраков в этом доме. Часто, когда появлялась терапевт, Анни и Ёрл смотрели телевизор. Их любимыми телевизионными программами были

детские шоу и мультфильмы. Это, мы можем вас уверить, делалось не ради Грэга, поскольку сам Грэг не проявлял никакого интереса к этим шоу. Летом, когда по каждому каналу передавали информацию об Уотергейте, миссис Шапиро видела, как Анни и Ёрл переключают телевизор с канала на канал, пока им не удастся найти программу, которая им нравится. Это был Джолли Зеленый Гигант. Когда миссис Шапиро приносила для Грэга тщательно отобранные игрушки (как мы всегда делаем для наших детей, когда знаем, что их родители не могут этого обеспечить), у Анни было конфликтное выражение лица. Это была, как понимала миссис Шапиро, зависть и желание. Однажды, когда миссис Шапиро принесла несколько простых пластиковых игрушек для ребенка, Анни сказала полным чувства голосом: "На следующей неделе мой день рождения. Мне будет 17". Миссис Шапиро, конечно, поняла. Анни хотела подарок для себя. Терапевт стала говорить с Анни о приближающемся дне рождения и о ее желании, чтобы это был особый день. Анни сказала: "У меня никогда не было дня рождения. У меня никогда не было вечеринки. Для Грэга я устраю ее в августе. А о моем дне рождения моя мать наверняка забудет". (Ее мать действительно забыла). На день рождения Анни миссис Шапиро принесла ей небольшой, тщательно выбранный подарок.

На день рождения Грэга миссис Шапиро принесла для него игрушечный автобус. Анни открыла пакет. Она была восхищена. Она исследовала все маленькие фигурки, открывала дверцы автобуса, помещала человечков на сидения и только, когда она наигралась с автобусом, она отдала его Грэгу и поделилась с ним его восхищение.

Последний призрак, самый упрямый

Последний призрак, покинувший детскую, был также первым, вошедшим в нее. Его, конечно, зовут "идентификация с агрессором". Этот призрак в самом страшном своем аспекте больше не угрожал ребенку после первых месяцев терапевтической работы. Серьезной

опасности насилия матери по отношению к Грэгу больше не было. Мы видели, как усиление любовных связей между Анни и ее ребенком защищает ребенка от физического насилия. Мы видели также, как воспоминания Анни о собственном страдании стали формой защитой для ее ребенка. Она не причинила бы ребенку боли.

В конце первого года лечения Грэг демонстрировал благоприятные признаки прогресса в развитии и привязанности к матери. Но существование призраков все еще продолжалось, и мы видели, что это угрожает развитию Грэга. Когда Грэг стал активным, независимым, любопытным и проказливым на втором году жизни, репертуар дисциплинарных тактик Анни казался в чистом виде взятым из обломков ее детства. Насколько защищающей и любящей матерью она могла быть, когда Грэг был тихим, послушным и "хорошим", настолько она менялась при любом неподчинении или обычных шалостях тоддлера: голос ее становился резким и громкость его была невыносима для барабанных перепонок. Грэг в эти моменты пугался, и миссис Шапиро привлекала внимание Анни к реакции ребенка в таких случаях. Затем, как мы обнаружили, Грэг выработал защиту против тревожности, вызываемой в нем гневом матери. Он смеялся, как нам показалось, слегка истерически. Это, конечно, была в точности та защита, которая была у его матери в детстве. Грэгу было 16 месяцев, когда мы отметили появление этой защиты.

Ясно, что с важным компонентом защиты Анни - идентификацией с агрессором - еще в терапии не оперировали. Анни еще недостаточно полно пережила в терапии ее детскую тревожность и ужас, связанный с опасными, непредсказуемыми, жестокими и могущественными фигурами своего прошлого. Из аналитического опыта мы знали, что патогенез защиты, известной как идентификация с агрессором, это тревожность и беспомощность перед нападающими. Достичь этого уровня защитной структуры с помощью психоанализа часто является сложной задачей.

Как же мы сможем достичь его с помощью психотерапии на кухне раз в неделю?

Мы исследовали доступные нам способы. Миссис Шапиро отметила, что голос Анни менялся в одной мгновение от ее собственного нормального голоса, каким она вела беседу, к резкому, невыносимому для слуха голосу, который казался принадлежащим кому-то другому. Похоже, Анни об этом не подозревала. Этот чуждый голос был встроен в ее личность. Можем ли мы применить эту частичную манифестацию патологической идентификации в двухшаговом процессе интерпретации? Во-первых, сделать этот голос чуждым эго, идентифицировать его; затем интерпретировать его как защиту против невыносимой тревожности и подвести Анни к воспроизведению в ее переживаниях собственного детского ощущения ужаса и беспомощности?

Во время домашних визитов не было сложности с нахождением такой возможности. Случай представился непосредственно в следующем визите после нашего совещания, на котором мы обсуждали технические проблемы.

Грэг, которому было 17 месяцев, сидел в своем высоком стульчике и завтракал. Мать, пока он ел, продолжала увещевать его: "Не делай этого. Не роняй пищу". Затем, реагируя на какую-то очередную обычную неудачу ребенка, Анни закричала: "Прекрати!". Грэг и миссис Шапиро подпрыгнули. Анни обратилась к терапевту: "Я напугала вас, не так ли?" Миссис Шапиро, придя в себя после шока, решила, что это и есть тот момент, которого она так ждала. Она сказала: "Иногда, Анни, слова и звуки, которые ты издаешь, звучат как вовсе не твои. Мне интересно, кто бы мог так звучать?" Анни немедленно ответила: "Я знаю. Это похоже на мою мать. Моя мать обычно так пугала меня". "Как ты себя при этом чувствовала?" Анни сказала: "А как бы вы чувствовали себя вместе со

слоном в посудной лавке?.. Но я не хочу об этом говорить. Я уже достаточно страдала. Это все осталось позади".

Но миссис Шапиро мягко настаивала и сделала критическую интерпретацию. Она сказала: "Я могу представить себе, что когда вы были маленькой девочкой, вы были так напуганы, что для того, чтобы бояться меньше, вы могли начать разговаривать подобно матери". Анни сказала: "Я не хочу говорить сейчас об этом". Но она была глубоко потрясена словами миссис Шапиро.

В оставшееся время этой сессии произошел любопытный поворот. Анни на глазах начала меняться. Вместо жесткой, агрессивной девочки с вызывающим поведением, она стала беспомощной, встревоженной маленькой девочкой на весь остаток сессии. Поскольку она не могла найти слов, чтобы выразить глубокую тревожность, поднимающуюся из ее глубин, она начала говорить обо всем, что можно было найти в настоящем моменте, что заставляло ее чувствовать себя испуганной, беспомощной, одинокой.

Именно таким образом в течение многих часов миссис Шапиро подводила Анни к переживанию беспомощности и ужаса ее детства и сдвигала направление вперед и назад от настоящего к прошлому, помогая Анни определить пути, которыми она приносила собственные переживания в свое отношение к Грэгу, как идентификация с пугающими людьми ее детства "вспоминалась", когда она становилась пугающей матерью Грэга. Был момент терапевтического торжества, когда Анни смогла сказать: "Я не хочу, чтобы мой ребенок меня боялся".

Работа в этой области принесла глубокие изменения самой Анни и ее взаимоотношениям с Грэгом. Анни начала менять свою жесткую манеру поведения уличного ребенка, и изменился ее резкий голос. По мере того, как патологическая идентификация с ее матерью начала разрешаться, мы видели, как Анни ищет новые модели материнства и

феминности, некоторые из которых можно было легко идентифицировать как черты миссис Шапиро.

И Грэг начал откликаться на изменения климата в доме. Как и следовало предполагать, страх матери и нервный смех в качестве защиты против тревожности начали исчезать. Поскольку уже существовали сильные связи между матерью и ребенком, Анни сейчас могла применять без страха многое в воспитании своего ребенка.

Миссис Шапиро как наблюдатель указывала Анни на попытки Грэга общаться с ней. Конкретные предложения и демонстрации предлагались в не критической манере. К этому моменту Анни была способна встречать развивающее руководство в менее защитной манере и использовать его конструктивно, работая в альянсе с терапевтом в интересах Грэга. В течение месяца после того, как была определена потребность Грэга в помощи с языком, он начал экспрессивно использовать язык и сейчас находится в пределах нормального диапазона шкалы Бейли.

Анни сейчас беременна и будет рожать ребенка в начале осени. Этот ребенок, как она сказала нам, желанный. Анни ждет нового ребенка с удовольствием и с новообретенной уверенностью в себе как в матери. Она тщательно проходит медицинские консультации во время беременности. Она и Ёрл решили, что хорошо было бы иметь двух детей. Анни не думает, что у нее достаточно любви и терпения, чтобы распределять его на большее количество детей.

Мы не знаем, будут ли на этом крещении присутствовать старые призраки. Однако есть позитивные показания того, что процесс установления связи между Анни и этим новым младенцем уже начался. Анни предчувствует, что появление этого нового младенца может означать для нее, для Ёрла и для Грэга. Анни сказала миссис Шапиро как молодая женщина, а не испуганный и защищающийся подросток, что младенцы зависимы, что им нужна мать в доме, которая защищает и

успокаивает их, что Грэг может ревновать, и что ей надо постараться дать Грэгу, Ёрлу и новорожденному младенцу то внимание и близость, в котором они нуждаются. В то же время Анни способна выражать собственные нужды своему терапевту и своему мужу. Она начинает понимать, что она также может получать теплоту и близость, которую хотела, но никогда не получала. Ее взаимоотношения с Ёрлом также изменились. Ёрл собирается взять двухнедельный отпуск, чтобы побыть дома, когда появится младенец, и помочь ему и Анни.

Проявляются связи между Анни и ее новым ребенком. Он будет рожден в то время, когда Анни уже сможет устанавливать взаимоотношения, не перегруженные присутствием призраков прошлого. Если мы сможем помочь упрочить связь между Анни и ее ребенком в первые дни и недели, мы думаем, что пришельцы уйдут, как это происходит в большинстве детских, где ребенок защищен магическим кругом семьи.

Два вопроса - и гипотеза

Мы начали это эссе с вопроса: "Что определяет, будет ли конфликтное прошлое родителя повторяться с его ребенком?" Патология в истории родителя сама по себе не является предсказующим фактором повторения прошлого в настоящем. Присутствие патологических фигур в родительском прошлом само по себе не определяет идентификацию с этими фигурами и возобновление патологического опыта по отношению к собственным детям.

Из клинического исследования миссис Мач и Анни Бейер и из многих других известных нам случаев, при которых призраки родительского прошлого захватывали детскую, мы можем увидеть потрясающе однотипный паттерн - все эти родители в экстремальности детского ужаса сформировали патологическую идентификацию с опасными, угрожающими врагами эго. Если мы назовем это в знакомых терминах "идентификацией с агрессией", мы ничего не добавим к

имеющимся у нас знаниям об этой защите. Литературы об этой защите очень немного. За исключением ранних работ Анны Фрейд, которая обозначила этот защитный механизм и разъяснила его появление в формирующий период детства, мы не имеем информации по глубоким клиническим исследованиям условий, которые определяют выбор этой защиты из других возможных альтернатив или динамику, так сказать, закрепления идентификации с агрессором.

Мы находимся клинически и теоретически на твердой почве, если предполагаем, что мотивацию и энергию для повторения обеспечивает некая форма для вытеснения в этой защите в настоящем. Но что же вытесняется? Из ряда известных нам случаев, в которых клинически исследовалась "идентификация с агрессором" как центральный механизм патологического родительства, мы можем выяснить, что воспоминание случаев насилия в детстве, тирании и отвержения воспроизводится в точных потрясающих деталях. Что не вспоминается, так это связанный с переживаниями аффективный опыт. Анни вспоминала, как в детстве ее избивал отчим, и она вспоминала отвержение матери. Что она не могла вспомнить, так это ужас и беспомощность при переживаниях насилия и отвержения. Изначальные аффекты подверглись вытеснению. Когда терапевтическая работа оживила эти аффекты, и когда Анни смогла снова пережить их в безопасности ее взаимоотношений с терапевтом, она не могла больше причинять боль своему ребенку. Миссис Мач могла вспомнить отвержение, покинутость, инцестуозный опыт в своем детстве. Чего она не могла вспомнить, так это переполняющей ее тревожности, стыда и чувства никчемности, которые сопутствовали всей этой жестокости ее детства. Когда тревожность, печаль, стыд, унижение были обнаружены и пережиты в терапии, миссис Мач больше не нуждалась в том, чтобы переносить боль и грехи своего детства на своего ребенка. С переживанием детского страдания вместе с воспоминаниями каждая из

этих молодых матерей могла сказать: "Я не хочу, чтобы это случилось с моим ребенком".

Эти слова звучат очень знакомо. Многие родители, которые сами имели ужасное детство, не причиняют боли своим детям. Есть родители, которые явно или неявно говорят: "Я помню, как это... Я помню, как я был испуган, когда мой отец взрывался... Я помню, как я плакал, когда они увезли меня и сестру жить в этом доме... Я никогда не хочу, чтобы мой ребенок прошел через то, через что прошел я".

Для этих родителей боль и страдания не подверглись тотальному вытеснению. Они спасаются от слепого повторения патологического прошлого воспоминанием. С помощью воспоминания они идентифицируются с раненым ребенком (детской самостью), тогда как родитель, который не вспоминает, может обнаружить свой бессознательный альянс и идентификацию с пугающими фигурами прошлого. Именно таким образом родительское прошлое отыгрывается на ребенке.

Ключ к нашей истории с призраками лежит в судьбе аффектов детства. Наша гипотеза заключается в том, что доступ к детской боли становится мощным сдерживающим средством против повторения в родительстве, тогда как вытеснение и изоляция болезненного аффекта обеспечивает психологические предпосылки для идентификации с предателями и агрессорами. Неразрешенная загадка - почему в экстремальных условиях в раннем детстве некоторые дети, которые позже становятся родителями, сохраняют свою боль, не устанавливая роковой альянс с агрессором, который защищает эго ребенка от невыносимой опасности и устраняет сознательное переживание тревожности. Мы надеемся исследовать эти проблемы в дальнейшей работе.

Предложенная здесь теория, хотя и неполная, имеет практическое применение в психотерапии родителей и детей в тех семьях, где

призраки родительского прошлого поселились в детской. В каждом случае, когда терапия приносит родителю воспоминания и переживания его детской тревожности и страдания, призраки уходят, и страдавшие родители начинают защищать своих детей от повторения собственного конфликтного прошлого.

Перевод Ольги Лежниной